

Папина дочка

Автор:

Вера Колочкова

Папина дочка

Вера Александровна Колочкова

Секреты женского счастья

Есть женщины, которые хотят полностью владеть объектом своей любви, будь то мужчина или дети. Люда умела любить только такой – собственнической любовью. Однако добившись того, чтобы Саша стал ее мужем, она не обрела счастья. Отношения, когда-то наполненные теплом и заботой, постепенно разрушились, а дочь Таня, патологически привязанная к отцу, совершенно не воспринимала мать. Но повзрослев и вырвавшись из-под контроля властной матери, Таня, как ни странно, начинает повторять ее жизненный сценарий, будто и вовсе не усвоив уроков прошлого...

Вера Колочкова

Папина дочка

© Колочкова В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

Часть 1

Люда

Да что ж такое! Не задался сегодня день, с самого утра не задался. А ведь воскресенье! Хотела девчонок вкусным завтраком порадовать, блинчики затеяла, а руки будто деревянные, никакой ловкости в них нет. Обычно эта незамысловатая процедура у нее на раз-два получается, и блинчики выходят из-под рук такие, что хоть на журнальной странице показывай, там, где всяким рецептам учат. А сегодня никак. Оттого, наверное, что душа волнуется перед важным разговором. Как воспримут девчонки ее новости...

Кстати, о новостях! Надо телевизор включить, что на холодильнике притулился. Вчера только соседка Нинка помогла ей этот телевизор на холодильник взгромоздить, еще и приговаривала при этом – вот молодец, Людка, как хорошо придумала... Он ведь хороший еще – чего зря добру пропадать? Если новый телевизор себе купила, старый на кухне установить надо! Будешь теперь по утрам новости смотреть, как барыня...

Барыня не барыня, а дело и впрямь хорошее. И новости телевизор выдал хорошие – оказывается, сегодня последние наши войска из Афганистана вывели! Наконец-то! Может, Нинкин сынок Володька домой вернется, живой, невредимый! А то ведь извелась уже Нинка вся, на старуху стала похожа. Хотя ей и сорока еще нет...

А после новостей тоже хорошая передача началась – «Утренняя почта». Какой там ведущий обаяшка, ну просто до боли в сердце! Прочитал очередное письмо от телезрителя, и сразу песня зазвучала... Самая модная, кстати, ее сейчас на каждом перекрестке поют: «Я хочу быть с тобой, я так хочу быть с тобой...» Прямо душу на части рвет эта песня, честное слово. Будто про нее и про Сашу... Правда, ей только припев у этой песни нравится, а остальные слова... Слишком уж суровые, непонятные какие-то. Ну что это, в самом деле?... «Я пытался уйти от любви, я брал острую бритву и правил себя...» Страсть божья, одно слово! Потому что это ведь счастье, когда любишь... И хочешь всегда быть рядом с любимым человеком...

Но все равно песня хорошая, душевная. Хотела прибавить звук, но испугалась – вдруг девчонки проснутся. Пусть поспят, воскресенье же. Да и не готова она еще к разговору... А поговорить надо – куда уж тянуть-то?

Но как, как им сказать?... Вся душа испугом измаялась. Как девчонки воспримут ее новости...

Люда снова вздохнула, переворачивая на плите слегка подгоревший блинчик. И впрямь, что за невезуха утренняя с этими блинчиками! Как назло! Вроде всегда исключительно идеальными получались, и руки привычно и ловко исполняли нехитрую работу. А тут... Дрожат, видать, ручонки-то. И душа дрожит вместе со страхом – как девчонкам сказать... И с чего начать? Не с того же, как она Сашу сильно любит... Они ж маленькие еще, не поймут.

Хотя, если рассуждать здраво, чего она так боится? Ну вот чего? Не бог ведь какую новость она дочерям сообщить хочет, господи! Не умер никто, все живы, все здоровы, можно сказать, счастливы! А от ее новости еще счастливее должны стать, порадоваться за мать должны, в конце концов! Потому что не каждой матери этак-то удастся – замуж выскочить при наличии двух детей... Которых еще растить да растить, заметьте! Поднимать да поднимать! Кормить, одевать, образование давать, в люди выводить! Да пусть только попробуют не обрадоваться! Да разве она сделает что-то, чтобы им хуже было? Ведь нет...

Вот Леночка, младшая, вполне может обрадоваться. Ей шесть всего, ничего еще не понимает. А Ирина... С ней, пожалуй, трудно придется. В свои двенадцать рассудительна не по возрасту, строга, с плеча рубит. Иногда так рубит, что щепки летят. Вся в отца... Тем более и помнит его хорошо, отца-то. Это Леночка не помнит, он аккурат в тот год и умер, когда она родилась. Дальнобойщиком был, в аварию попал в рейсе. Пока до ближайшей больницы везли, кровью истек. Иришка, как старшая сестра, часто Леночке про папу рассказывает. Идеализирует его образ, конечно. Иван почти святой у нее получается. Хотя что говорить – далеко не святым он был... Суровым был, хмурым, неразговорчивым. Мог и руку поднять, если разозлить сильно... Правда, девчонок не трогал, ей одной доставалось под его плохое настроение, которое в основном и было плохим. Все ему неладно было, все неправильно... Щи пересолены, каша жидкая, в доме беспорядок... Да это у нее, что ль, беспорядок? Всегда намыто все, до блеска начищено! Но нет, все равно придерется к чему-нибудь... Сначала придерется, потом сам себя распалит – и пошло-поехало, только успевай от кулаков уворачиваться. Правда, бил не сильно, не так чтобы уж совсем покалечить. Но синяки иногда оставались. Однажды под глазом такой синяк был, что пришлось на работе отгулы брать, чтобы избежать лишних расспросов...

Ну, да ладно, бог с ним. О покойниках плохо не говорят. Пусть им на небесах будет хорошо, а живым надо жить свою жизнь дальше. И если счастье на голову свалилось, грех от него отказываться.

Счастье. Счастье... Хоть попробовать, каково оно на вкус. Каково это – просыпаться каждое утро счастливой. Не урывками видеться с любимым, не прятаться, не бояться людской молвы да того, что девчонки про нее узнают, а законным и честным образом просыпаться каждое утро и жизни радоваться! Улыбаться и тихо произносить: доброе утро, счастье мое...

А какое у счастья имя чудесное – Саша... Кому-то может показаться, что самое обыкновенное имя, но она-то знает, что это не так! Оно ведь музыкой тихой звучит, нежным шелестом – Саша, Саша... А может и звонко звучать, почти торжественно – Александр! Ну музыка же, чистая музыка...

Оп! Опять блинчик слегка подгорел! Да что ж это такое сегодня? Неужели руки от страха трясутся? Нет, надо что-то с этим делать! Хватит себя сомнениями мучить, ничего плохого в их домашней жизни не происходит! Обычное воскресное утро, девчонки скоро проснутся уже, и солнце так весело в окно заглядывает, словно говорит – не бойся, все ты хорошо делаешь, ты имеешь право на счастье... О, а вот и Леночкин голосок в коридоре уже слышен...

– Мамочка, ты где?

– На кухне, доченька! Где ж мне еще быть? Блинчики пеку к завтраку!

Отвернулась от плиты – Леночка стоит в дверях, трет кулачками глазки спросонья. Волосенки дыбом торчат, пухлый рот скривился скобочкой, будто всплакнуть хочет.

– Что, Леночка? Что случилось, зайка моя?

– Мне сон страшный приснился... За мной какой-то страшный дядька гнался, я его так боялась...

– Да ну его, этот сон! Ты проснулась, он испугался и убежал! Иди умывайся и приходи завтракать.

– А Иришу будить?

– А как же! Обязательно! Сядем все вместе... Я вам что-то интересное расскажу... И очень важное...

– А что, мамочка?

– Потом, потом... Иди буди Иришу!

– Хорошо, я сейчас... Я быстро ее разбужу!

Леночка убежала, стуча босыми пятками по полу. Люда вздохнула – ну вот, первый шаг почти сделан... Теперь уж доченьки не отстанут, все равно потребуют рассказать, что там за важное, интересное. Но время еще есть, чтобы настроиться на разговор окончательно...

Как ни настраивалась, а все равно получилось не так. Сумбурно получилось: и голос дрожал, и не знала, куда глаза деть. Будто оправдывалась в чем. А потом еще и пауза мучительная наступила. Ириша молчала, опустив глаза и сосредоточенно размышляя над неожиданной информацией, Леночка старательно размазывала пальцем сгущенку по тарелке, потом так же старательно этот палец облизнула. Людмила даже замечания ей не сделала – так мучительно переживала эту паузу. А какая мать на ее месте не стала бы переживать, скажите? От решения дочерей ведь многое зависит... Или позволят они ей быть счастливой, или нет... Если не позволят – не судьба, значит. Потому что она хорошая мать. Потому что не сможет на горло дочернему сопротивлению наступить. Да она лучше на свое собственное горло наступит, чем...

– Я не поняла, мамочка... – в который раз облизнув сладкий палец, тихо и почти скорбно произнесла Леночка. – Это как это – замуж? У тебя что, настоящая свадьба будет? Как у Ани из третьего подъезда? Но ведь Аня молодая, это понятно... А ты ведь уже старая, мамочка... Как же это...

Люда сразу и не нашлась, что дочери ответить. Не ожидала такого печального комплимента. Это что же – в свои тридцать восемь и старая? Ничего себе...

Но помощь пришла от Иришки – вот уж не ожидала! Думала, наоборот все будет...

– Лена, что ты глупости говоришь, как тебе не стыдно! Мама вовсе не старая! И вообще, перестань палец облизывать, как маленькая! Стыдно за тебя, честное слово!

– А чего стыдно-то, чего стыдно! – не согласилась со старшей сестрой Леночка. – Думаешь, я ничего не понимаю, что ли? Я же видела, какой невестой Аня из третьего подъезда была! Да у нее платье было как у принцессы! И еще это... Такая белая корона на голове...

– Это не корона. Это фата, – вздохнув и коротко глянув на мать, произнесла Иришка.

– Так и чего? У мамы тоже, что ли, на голове фата будет? И платье как у принцессы? И ее тоже жених на руки возьмет и мама будет смеяться и ногами дрыгать, как Аня? Я не хочу, чтобы моя мама ногами дрыгала, понятно? Не хочу, не хочу...

Леночка скуксилась и опустила голову вниз, готовясь заплакать. Иришка торопливо принялась ее успокаивать:

– Ну что ты такое себе придумала, а? Не бойся, мама уж как-нибудь без дрыганья обойдется. И без фаты. И без платья. Да если даже с фатой и с платьем... Тоже ничего страшного в этом нет... И вовсе она у нас не старая... Конечно, не такая, как Аня из третьего подъезда, но тоже очень красивая...

Леночка подняла голову, уставилась на мать с интересом. Наверное, забавно со стороны рассуждать, что сейчас происходит в этой маленькой головке, но Люде было не до забав. И не до рассуждений. И хорошо, что Иришка начала задавать те самые вопросы, которые, собственно, она ожидала от Леночки.

– А кто он, мам? Откуда взялся? Ты ж нам ничего не рассказывала!

– Да, это моя вина, Иришка, признаю... Надо было вас давно познакомить. Но я как-то все не решалась... Но я уверена, что вы с Сашей поладите! Он такой

добрый, такой приветливый...

- Ты любишь его, да?

- Люблю, доченька.

- А нас? - обиженно вклинилась в их диалог Леночка, снова надув губы.

- И вас тоже люблю... Очень люблю...

- А кого больше?

- Ленка, отстань! - всерьез рассердилась Иришка и даже слегка хлопнула сестру по ладошке. - Что ты маме такие глупые вопросы задаешь? Пусть она лучше расскажет, где с этим Сашей познакомилась... И вообще, откуда он взялся... Расскажешь, мам?

- Да, конечно... Конечно же, расскажу... Сейчас, только еще себе чаю налью...

Ну, вот и все. Вроде гора с плеч свалилась. Главное сказано, а остальное само пойдет. А Иришка, Иришка какая молодец оказалась! Совсем как взрослая рассудила... Да и то - разве мать виновата, что посмела в свои тридцать восемь еще женского счастья возжелать? Да и было ли оно у нее, женское счастье? Да, Иван суровым мужиком был, неласковым... Грех говорить, но и не помнила она ничего хорошего из той своей замужней жизни. Только хорошее и было - рождение дочерей... А после гибели Ивана думала, что все, теперь уж одна будет жить, никто ей больше не нужен. Думала, будет растить детей, всю себя им отдавать - в этом и есть ее счастье. А оно, видать, по-своему распоряжается, счастье-то. Не ждешь его, а приходит. Чувства так за душу возьмут, что сама себе и не принадлежишь вроде... Как в той старой песне поется: любовь нечаянно нагрянет! Вот и на нее нагрянула вдруг...

Сашу она увидела, когда пришел к ним в бухгалтерию оформляться. Она глянула сначала на него, потом в документы... И никак не могла сообразить, что это, оказывается, нового технолога на предприятие взяли. И надо бы его данные в базу ввести - ничего сложного, обычная бухгалтерская операция, а ее будто зациклило на этом имени - Александр Столетов... Словно музыка в голове звучит

радостная и немного тревожная – Александр Столетов... Потом опомнилась, конечно. В руки себя взяла. Но сразу поняла – влюбилась. Даже успела схитрить немного – лишнюю справку с него запросила, чтобы еще раз пришел...

Потом Галина Ивановна, главный бухгалтер, высмеяла ее перед всей бухгалтерией, что она новенькому глазки строит. Не злобно высмеяла, так, по-дружески. Даже одобрила ее порыв, можно сказать. Мол, давно пора личную жизнь оживить, а то живешь как монахиня. Из дома – на работу, с работы – домой...

С тех пор весь их бухгалтерский коллектив дружно включился в эту забаву – веселое сводничество. Быстренько разузнали про Сашу буквально все, ни одного белого пятна в биографии не оставили. И Саше тоже дали понять, чтобы «мышей не ловил», как выразилась Галина Ивановна. Потому что нехорошо настоящему мужчине поперек женского желания идти. Тем более если ты холостой и свободный на все четыре стороны...

Хотя Саша оказался не таким и свободным. У Саши была мама. И было немного странно, как это тридцатилетний мужик до сих пор не женился и живет с мамой... Хотя девчонки из бухгалтерии и этому обстоятельству вынесли свой вердикт:

– Подумаешь, с мамой живет! – махнула рукой умудренная двумя браками Света. – Да считай, что тебе это даже на руку, Люд! Если он мамин сын, значит, не привык женскому слову перечить! Значит, хороший муж будет, покладистый!

– Свет, какой муж... Я же на восемь лет его старше... – робко возразила Люда, опуская глаза.

– Ой, подумаешь, восемь лет! – подала со своего места командный голос Галина Ивановна. – Я тоже своего на шесть лет старше, и что? Двадцать лет живем душа в душу...

– Ох, как все у вас хорошо получается, надо же! – неловко рассмеялась Люда, схватившись за покрасневшие щеки. – Уже и судьбу мою решили, и замуж выдали! Может, и дату свадьбы уже назначили, а? И со мной не посоветовались?

– Так ты спасибо нам за это скажи, милая моя... – тихо вздохнув, проговорила Света, быстро глянув на Галину Ивановну. – Спасибо скажи, что мы такое активное участие в твоей судьбе принимаем... Сама-то ты все равно никаких решительных шагов предпринимать не станешь, правда? Так и просидишь за своим столом, задницу от стула не оторвешь... Так и будешь страдать да вздыхать...

– Ну да... А что мне еще остается? – грустно пожала плечами Люда. – Не письмо же ему писать, как Татьяна Ларина? Я вас люблю, чего же боле?

– Не, письмо не надо! – вполне серьезно отвергла ее предложение Галина Ивановна. – Как-то глупо – письмо... Что ты, девчонка, что ли? Мы лучше вот что сделаем, девочки... Мы его на мой день рождения позовем! То есть я сама его позову... Скажу, мол, должен же быть хоть один приличный мужчина за столом. Думаю, ему понравится, ага. Кому ж не понравится, когда его за приличного мужчину считают?

Саша пришел на день рождения к Галине Ивановне. С цветами. С шампанским. Как бы случайно его усадили рядом с Людой. Девчонки наперебой «двигали» ситуацию, как умели. Галина Ивановна вдруг принялась расхваливать Люду как прекрасного специалиста, девчонки невзначай делали летучие комплименты: «Ой, Люд, какая ты хорошенькая сегодня...» или «Люд, ты правда сама этот пирог пекла? Изумительно вкусно...».

В общем, не день рождения Галины Ивановны получился, а ее, Людин, бенефис. Переиграли девчонки. Саша тоже это почувствовал и очень смутился, когда Галина Ивановна между делом ему предложила:

– Саша, а вы Людмилочку нашу до дома не проводите? У нее сумка тяжелая... Сегодня нам заказы продовольственные давали, там такие большие банки с болгарским перцем... Мы-то все близко живем, сами свои сумки дотащим, а вот Людмилочке далеко до дома добираться!

– Провожу, конечно. О чем речь? – вежливо согласился Саша, а у Люды душа в пятки упала: как она пойдет с ним вдвоем, по улице, с сумками? Вот же придумала эта неугомонная Галина Ивановна...

На самом деле не так уж страшно все и вышло. Проводил. Сумки донес. Вежливо попрощался у подъезда, и она уж нырнула было в открытую дверь, как вдруг услышала его неуверенный голос:

- Погодите, Люда... Погодите...

- Что? – обернулась она, придерживая плечом дверь.

- Да ничего, в общем... Я просто спросить хотел... Нет-нет, ничего! Всего вам доброго!

У нее в этот момент сердце обмерло – про что такое спросить хотел? Уж не на чашку ли чая напроситься? Ну, то есть... Это ж понятно, что никто в подобных случаях не имеет в виду саму по себе церемонию чаепития...

- И все-таки что вы хотели спросить, Саша? – не удержалась она от любопытства.

- Да самый банальный вопрос хотел задать... То есть даже не вопрос, а... Просто в кино хотел пригласить. Завтра. Вы любите кино, Люда?

- Да! Очень!

- Ну, тогда я вас приглашаю! Завтра вечером... В семь... Около кинотеатра «Победа»... Там новый фильм начали показывать, нашумевший какой-то. Очереди огромные...

- А! Знаю! Я афишу видела! «Интердевочка» называется! Очень, очень хочу на этот фильм попасть... У нас девчонки из бухгалтерии ходили уже, говорят, хороший фильм. Переживательный. Хотя кому-то и не очень понравился... Разные у всех мнения...

- Вот потому и хочется этот фильм посмотреть, правда? Чтобы самому все увидеть, а не опираться на чьи-то суждения. Тем более у режиссера уж слишком имя известное, плохих фильмов у него нет.

- Ну, про режиссера я ничего не знаю, простите... Но как же вы билеты купите, Саша? Придется ведь долго в очереди стоять...

- А у меня соседка в кассе кинотеатра работает. Я ее попрошу, она два билета оставит. Значит, я вас жду в семь часов у кинотеатра?

- Да... Да, Саша. Я приду. Спасибо большое...

- Ну что вы... Это вам спасибо. Значит, до завтра?

- Да, до завтра...

О, если вспомнить, как тогда она собиралась на это свидание! Весь свой гардероб перебрала, нервно отвергая один наряд за другим. Потом вдруг опомнилась - чего так нервничать, все равно ведь в кинотеатре никто не раздевается, все в кинозале в пальто сидят? Но вдруг Саша ее потом в кафе пригласит, и придется пальто снимать... Хотя какое кафе - фильм-то двухсерийный, поздно закончится... Да, надо еще соседку Нинку попросить, чтобы за детьми приглядела! Чтобы ужином их накормила да спать уложила, пока она по кино разгуливает...

Фильм про интердевочку она плохо запомнила, волновалась очень, все время ощущая Сашино присутствие рядом. Да и какая уж там интердевочка, господи... Обыкновенная девчонка, которая хотела лучшей жизни и запуталась в ней, так и не поняв, где она лучше, где хуже...

Когда вышли из кинотеатра, Саша спросил:

- Ну как? Вам понравился фильм?

- Да, понравился... Только мне девчонку очень жалко. Я даже чуть не заплакала в конце... Люди-то ведь идут на этот фильм и думают, что им сейчас клубничку покажут, если название такое заманчивое! А на самом деле там ничего такого и нет... Вся эта легкая да красивая жизнь будто наизнанку вывернута...

- Да, Люда, вы ухватили самую суть! Вот и девочку вам жалко... Наверное, у вас очень доброе сердце, Люда.

– Не знаю, не знаю... – тихо ответила она, поеживаясь и доставая из сумки зонтик. – Мне кажется или в самом деле дождь начинается?

– Да... Кажется, дождь... А как вам конец фильма?

– Очень грустный конец... Жалко, что девочка погибла. А с другой стороны, вроде так и должно быть, ничего больше и не придумаешь.

– Да, все-таки Тодоровский – гениальный режиссер, совершенно с вами согласен, Люда. Мне все его работы нравятся, да...

Она кивнула головой, но разговора не продолжила. Потому что и знать не знала ни про какого Тодоровского, а с молчанием получилось так, будто и знала. Вон как Саша сказал – я совершенно с вами согласен, Люда... Наверное, так ей и надо себя вести – помалкивать больше, чтобы сойти за умную. Может, тогда сумеет ему понравиться... А так хочется ему нравиться, с ума сойти!

– Вы современную живопись любите, Люда? – словно подслушав ее мысли, осторожно спросил Саша.

– Да, очень люблю... – согласилась она.

– Тогда, может, сходим на выставку в Дом художника?

– А когда?

– Ну, в следующий выходной, к примеру...

– Да, в выходной я могу. А в будние дни мне надо с детьми... За младшей в садик бежать после работы, со старшей уроки делать...

– Да, да, я понимаю. Дети – это прежде всего, конечно. А как зовут ваших дочек, Люда?

– Младшую Леночкой, а старшую – Иришкой...

Саша улыбнулся, кивнул головой, будто она сказала ему что-то очень хорошее. Дождь тем временем так припустил, что пришлось ускорить шаг, почти побежать – до ее подъезда было уже рукой подать.

Встали под козырек, и опять она растерялась – дальше-то что? Надо пригласить его к себе домой – дождь переждать? Но там девчонки спят... И Нинка на кухне сидит, телевизор смотрит... Вон, в окно видно, как экран телевизора светится. И вот так повернуться и уйти, оставив его под дождем, – тоже неловко...

Саша сам пришел ей на помощь, начал прощаться:

– Идите, Люда, вы замерзли совсем... Не хватало еще простудиться. Идите...

– Но... Как же вы, Саша? Ведь дождь...

– Ничего страшного, я такси поймаю. Да он уже скоро закончится!

– Ну, не знаю... Но вы хоть зонтик мой возьмите! Завтра ко мне в бухгалтерию занесете! Возьмите, возьмите, прошу вас!

Она торопливо сунула ему в руки зонт, и он улыбнулся, взял его послушно. И проговорил тихо:

– Спасибо, Люда... Спасибо... А вы идите, идите, а то и впрямь простудитесь... Как же мы тогда на выставку в следующее воскресенье пойдем?

– Я не простужусь. Пойдем обязательно. Очень хочу на выставку...

– Ну, тогда спокойной ночи, Люда?

– Да... Спасибо... Надеюсь, вы быстро доберетесь до дома... До свидания, Саша...

– До свидания, Люда!

Нинка встретила ее в прихожей насмешливым шепотом:

- Видела, видела в окно, как ты со своим ухажером прощалась... Ничего такой, только росточком не вышел. Рядом с тобой юнцом смотрится.

- Чего ты там могла разглядеть под дождем, Нинка? Хотя он действительно намного меня младше, но я думала... что незаметно...

- Да ладно, не обижайся! Это ж я так, слегка плююсь бабской завистью. Уж потерпи, от тебя не убудет. Счастливая ты, Людка... И детки при тебе, и мужика судьба подкатила... Одно слово, живи да радуйся! А у меня чего? Одни слезы.

- От Володьки так и нет ничего?

- Не-а... Я и в военкомат звонила... Говорю - войска ж из Афганистана вывели, на каждом перекрестке про это трубят! А они мне говорят: ждите... Когда что-то будет известно о вашем сыне - сообщим... Ну вот что такое, а, Людка, скажи? Издеваются будто...

- Нин, да все будет хорошо, что ты... Объявится твой Володька, очень скоро объявится...

- Ладно, Людка, сменим тему. Как хоть свиданка-то прошла, результативно?

- Да мы же в кино ходили... Две серии...

- И все?

- Ну да...

- Ишь ты... В кино... И что, даже в номера не зазывал?

- Нет, Нин, что ты. Он не из таких.

- А из каких?

- Да сама еще не знаю. Но не из таких...

- С серьезными намерениями, значит?

- И про намерения тоже ничего сказать не могу... Потому что сама не знаю.

- А хотела бы, чтобы с намерениями?

- Да... Да, хотела бы... Очень хотела бы... Но загадывать наперед ничего не буду
- боюсь. Вот боюсь, Нинка! Даже мечтать боюсь...

- Да ты влюбилась, что ли, Людка? Признавайся!

- Да, влюбилась. Честно скажу. Еще как влюбилась... Слушай, а у тебя нет, случаем, какой-нибудь книжечки про современную живопись, а? Чтобы полистать на досуге?

- Да откуда у меня? Это тебе к Софье Петровне из тридцать третьей квартиры надо, она в библиотеке работает. Попроси, она тебе кучу таких книжек натащит. Еще и лекцию прочитает, ее только на эту говорильню зацепи... Да только зачем тебе вдруг? С какого перепугу ты современной живописью заинтересовалась?

- Меня Саша на выставку современной живописи пригласил... А я в этом деле ни бум-бум, сама понимаешь.

- А... Ну, тогда завтра бегом к Софье Петровне - образовываться в срочном порядке! А то и впрямь опозоришься перед своим Сашей, и вся любовь на этом закончится!

- Тебе смешно, Нинка... А мне вот не очень...

- Ладно, пойду я, мне завтра вставать рано. Я там у тебя две рюмки коньяка намахнула, не обессудь...

- Да на здоровье, Нин. Спасибо тебе.

- Ладно... Обращайся, если что... Завсегда рада послужить чужому счастью...

На выставку они с Сашей сходили. Потом еще в кино. Потом посидели в кафе, где играли настоящий джаз. Оказывается, Саша очень любит джаз... И каждый раз девчонки из бухгалтерии учиняли ей настоящий допрос:

- Что, просто сидели за столиком и слушали музыку? И все?

- Нет. Еще вино пили и отбивные ели...

- Ну, хоть танцевали?

- Нет... В том кафе не танцуют. Просто сидят и музыку слушают.

- Ну, а говорили о чем?

- Да ни о чем! Говорю же, музыку слушали!

- Да уж... Так дело у нас не продвинется, Людочка, дорогая. Он так и будет тебя по кино да по выставкам водить, а потом – бац! – и другую встретит! Нет, надо что-то конкретное предпринять... Думать надо, девчонки... Думать...

И девчонки придумали. Инициатором хитрой придумки выступила все та же Света – она вообще была изрядная фантазерка. Изложила свой план, когда всей бухгалтерией уселись чаевничать.

- Слушай, Люд... – переглянувшись с Галиной Ивановной, осторожно начала Света. – У меня одна подруга есть, она в командировке сейчас... Я хожу к ней через два дня, кошку кормлю. Квартирка у нее ничего такая, двухкомнатная... Вот я и подумала, Люд... А может, ты...

- Что – я? Ты хочешь, чтобы я вместо тебя сходила кошку проведать? – спросила Люда, еще не понимая до конца, куда клонит Света, но уже чувствуя какой-то подвох.

- Да не... Кошку я и сама проведу, что ты! Я хочу, чтобы ты с Сашей... Ну, чтобы вы вместе... Когда-то ж вы должны оказаться вдвоем, лицом к лицу, иначе так и будете по киношкам шататься! У него дома мама, у тебя дети... Вот я и подумала...

– Да ты что, Свет! Как ты себе это представляешь вообще? – возмущенно проговорила Люда, поперхнувшись чаем. – Что я ему скажу, по-твоему? Пойдем чью-то там кошку проведем ни с того ни с сего? Ну, ты даешь...

– Да почему сразу кошку? – сердито махнула рукой Света. – Можно ведь и придумать что-то вполне приемлемое и достойное... Напрягись и придумай, это ведь тебе больше нужно, чем мне... Иначе можешь и не дожидаться, когда он сам что-нибудь подобное придумает! Видишь, какой он... Воспитанный, скромный, интеллигентный... Ты женщина, у тебя свой план в голове должен быть!

– Да что, что я придумаю?

– Ну, не знаю...

– А ты скажи, что это квартира твоей подруги, Люд! – вступила тяжелой артиллерией в их диалог Галина Ивановна. – Скажи, мол, пришла к ней цветы полить, а полка, на которой горшок с цветком стоял, взяла и рухнула... Что срочно надо полку обратно прибить, а то перед подругой будет неудобно...

– Точно! Хорошо Галина Ивановна придумала! – озорно сверкнула глазами Света. – Только мне ведь и впрямь придется эту полку от стены отдрать... Тем более что нет на этой полке никаких цветочных горшков, там книги стоят...

– Ничего, Светочка, постарайся ради дела. А стояли там горшки ли, книги ли – это уже непринципиально. Да, может, у них до этой полки и дело не дойдет...

– Ну что вы такое придумали, ей-богу? – совсем потерявшись от смущения, сделала попытку к сопротивлению Люда. – Перестаньте, девочки, перестаньте...

– Все, решено! – перебила ее Света, допивая свой чай. – Сегодня же после работы пойду и бабахну чем-нибудь по этой полке, чтоб отвалилась... А завтра ключи от квартиры тебе отдам, Люд. Действуй! Вон, мы тебе все пошагово расписали, словно должностную инструкцию в руки дали... Действуй!

Что и говорить, Люде и впрямь очень хотелось остаться с Сашей наедине. Хотелось, но страшно было. Душа замирала как у девчонки, впервые влюбившейся...

Но ведь и впрямь впервые! Никогда с ней такого чуда не происходило, хоть и дожидая до своих тридцати восьми! Иван, помнится, пришел к ее родителям свататься, ей еще и восемнадцати не было... Очень он им понравился – серьезный мужик, правильный, рукастый. И профессия денежная – дальнбойщик. Родители так и сказали: а чего еще ждать? Какого такого принца? Будешь за этим Иваном как за каменной стеной...

Вот и жила она именно так – за стеной. Верная жена, вечно ожидающая мужа из рейса. Потом провожающая в рейс жена. Никакой радости в семейной жизни не видела, уж какая там любовь... О любви и говорить не приходилось. Иван, казалось, и не замечал ее вовсе. Даже по имени называл редко. Садился за стол, бросал коротко – обедать давай, хозяйка! И не приведи господь, если окажется, что нечего на стол поставить... Тут же в гнев кидается – что я, зарабатываю мало? Денег на еду не хватает? Хочешь, чтобы я тебя научил, из чего щи варить?

А потом, когда Иван погиб, ей тоже не до себя было. Привыкала ко вдовой нелегкой жизни: надо девчонок растить... Леночка совсем крошечная была, еще и болезненная росла, с рук ее не спускала. Так и бежали дни, и она тоже бежала – как лошадь по кругу.

И вот оно – пришло то самое, неизведанное. Любовь, стало быть. Все, все в одночасье вдруг изменилось... И небо стало другим, и солнце, и даже осенний дождь стал казаться праздником. И сама она изменилась – с трудом узнавала себя в зеркале, будто кто теплым ветром лицо омыл. Кожа порозовела, глаза заблестели, мелкие морщинки разгладились, будто и не было их. А если еще реснички подмазать, да губы накрасить, да в парикмахерскую по пути на работу забежать... Да кто это сказал, что влюбиться в ее возрасте невозможно, ерунда какая! Стало быть, если уж судьба так распорядилась и подарила любовь, то надо до конца идти... Правы девчонки, правы... А Саша ни на что такое сам не решится, и тут Света права...

И пошло-поехало как по маслу. И квартира Светиной подруги для первого настоящего свидания сгодилась, и до сломанной полки дело не дошло. Только вошли в квартиру и тут же бросились друг другу в объятия... А что вы хотите? Любовь... И Саша оказался ловким и сильным, страстным и нежным и на щедрые признания слов не жалел... А у нее просто голова кружилась от счастья. Никогда с ней такого не было! Никогда!

Светина подруга пробыла в командировке почти два месяца. И все это время отдано было безумной страсти, и сама она себя плохо помнила и мало что вообще соображала... Спасибо Нинке, прикрывала ее на всех фронтах, строго объясняя девчонкам, что мама сегодня на работе задерживается, у нее годовой отчет. И что сегодня она мамкину функцию выполняет: и ужином накормит, и уроки проверит, и слова ласковые на ночь скажет. Девчонки верили, что так и надо, что у мамы отчет...

Потом приехала Светина подруга, свидания закончились. То есть не совсем чтобы закончились, а на время. Саша сказал, что обязательно снимет квартиру, что уже почти подыскал вариант...

Но тут вдруг случилось такое! Такое... Что в общем-то запросто могло случиться, да как-то об этом не думалось... Потому что вообще ни о чем не думалось. И вдруг...

Люда обнаружила, что беременна. Да, вот так вот! В тридцать восемь лет, ни рано, ни поздно... И так испугалась, что сразу рассказала об этом Саше. Без всякой задней мысли рассказала, без какого-то там расчета! Просто проговорила вслух, что в голове было... А он так обрадовался! На руки ее схватил, по комнате закружил! И откуда только силы взялись, она ж не девочка вроде, не тростиночка, чтобы такой вес поднимать! Но все равно ужасно приятно было, что так воспринял... Да и не то слово – приятно! Это же счастье, настоящее счастье! Наверное, ради таких моментов и рождается на свет каждая женщина...

Конечно, девчонки на работе выпытали у нее все подробности счастья по капелькам. Так страстно выпытывали, что пришлось рассказать... Как ни крути, а они все же соучастницы, причем самые что ни на есть близкие. И радуются за нее вполне искренне. Только Галина Ивановна почему-то молчит, задумалась... Хотя и ненадолго – и пяти минут не прошло, как обозначила свою задумчивость грустным вздохом:

– Ты не спеши радоваться-то, Люд, не спеши пока... Это, конечно, хорошо, что все так сложилось, это замечательно, да... Но не забывай, что у твоего Саши еще и мамочка есть. Думаешь, она так просто его от себя отпустит, если до тридцати лет не отпустила? Не думаю, не думаю... Так что тебе придется еще и эту крепость завоевать...

– Да нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики! – с большим энтузиазмом возразила ей Света, подмигнув Люде. – Подумаешь, мама! У всех мамы всегда выступают против потенциальных невесток, и что? Вон у меня вторая свекровь уж какой стервой поначалу казалась! А теперь ничего, приняла меня... И Сашина мамаша Люду примет со временем!

– Не скажи, не скажи... – снова вздохнула Галина Ивановна. – Такую маму победить – это тебе не царский дворец штурмом взять, это потруднее будет... Тем более невеста наша старше жениха на восемь лет. Какой маме это понравится?

– Ну, главное, чтобы Саше нравилось! – не сдавалась Света. – Я вообще где-то читала, что такие мужчины, которых мама на привязи долго держит, как раз и выбирают женщин постарше... Подсознательно ищут в женщине повторение материнской заботы...

– Ну да, ну да... А только Люде-то зачем такой расклад нужен? Правда, Люда?

– Мне нужен, Галина Ивановна... Я на любой расклад согласна, лишь бы Саша был рядом.

– Ну что ж, если так... Мое дело предостеречь, а дальше уж сама думай... Когда с мамой-то знакомиться пойдешь?

– Не знаю пока...

– Вот видишь! Твой Саша даже не решается тебя с ней знакомить! Я думаю, боится. Ты поговори с ним на эту тему, подтолкни как-то, что ли. И вообще, опускайся с неба на грешную землю! Любовь любовью, но ведь и жить как-то надо! В реалиях жить... Так что поговори с ним сама...

Люда кивнула, улыбнулась вежливо. Хорошо, что Галину Ивановну телефонный звонок отвлек – немножко начали надоедать ее назойливые наставления. Хотя и права она, по большому счету, надо бы с Сашей действительно поговорить...

Только говорить не пришлось. Потому что Сашина мама позвонила сама; Люда от неожиданности чуть трубку не уронила. И начала разговор очень официально и

сухо:

- Здравствуйте, Людмила. Позвольте представиться - я Сашина мама. Зовут меня Елизавета Максимовна. Прошу прощения за столь смелое вторжение в вашу жизнь, но сразу хочу объяснить, откуда у меня ваш номер... Я звонила в отдел кадров, мне его там дали. Ведь номер телефона бухгалтерии не является государственной тайной, правда?

Люда не нашлась, что ответить. Слишком уж голос у потенциальной свекрови был напористым и немного насмешливым. Лишь пролепетала в трубку тихо:

- Да, конечно... Не является...

- Мне бы не хотелось беседовать с вами по рабочему телефону, Людмила. Не могли бы вы со мной встретиться в нерабочее время? Скажем, сегодня в семь в парке Победы? Сможете?

- Да, конечно... Конечно, смогу.

- Вот и замечательно. Надеюсь, вам не надо говорить, что Саша не должен знать о моей просьбе... Иначе я бы вам не звонила, сами понимаете.

- Да, я поняла... Я приду, Елизавета Максимовна.

- Ну, тогда я жду вас в парке у фонтана. Буду сидеть на скамье. Надену шляпку цвета маренго, чтобы вы меня сразу узнали... До встречи, Людмила.

Люда положила трубку. Вся бухгалтерия молча смотрела на нее, исходя ужасом любопытства. Света спросила тихо:

- Это она, Люд? Сашина мама?

- Да... Это она...

- А чего хотела?

- На встречу позвала... Сегодня в семь... Ты не знаешь, случайно, что это за цвет такой - маренго?

- Не... Не знаю...

- И я не знаю... - тихо откликнулась Галина Ивановна. - А зачем тебе?

- Елизавета Максимовна будет в шляпке цвета маренго...

- Фу-ты ну-ты, поди ж ты! - фыркнула Света. - Это она заранее тебя запугать хочет! Вроде того, вишь, какая я недоступная! Маренго у меня, ни больше ни меньше! погоди, я сейчас к нашей секретарше сбегая, узнаю, что это за маренго... Она у нас модница, все знает...

Выяснилось, что маренго - это почти черный. Ничего особенного. Если присмотреться, можно темно-синий отлив разглядеть, и все... Света возмущалась от души:

- Нет, нельзя было просто сказать - буду в темной шляпке? Надо обязательно выпендриться - маре-е-енго... Видать, не повезло тебе со свекровкой, Люд! На драной козе не подъедешь!

- Да не пугай, на ней и так лица нет! - остановила ее Галина Ивановна. - Садись лучше, работай! До конца дня надо ведомости по зарплате оформить... А ты, Люда, не бойся ничего, ты тоже себя не на помойке нашла! Хоть и без шляпки маренго...

Ровно в семь Люда стояла у фонтана в парке Победы, оглядывала стоящие кругом скамейки. Елизавету Максимовну она узнала бы в любом случае, даже если бы никакой шляпки на ней не было. Конечно, вон та дама в сером габардиновом пальто, с черной сумочкой, в черных перчатках... Смотрит на нее не отрываясь. Вернее, не смотрит, а откровенно разглядывает. Лицо ничего не выражает, хотя губы поджаты скобкой... Не понравилась, наверное. Проста слишком. Пальтецо скромное, в серую клеточку. На голове шапка мохеровая, синяя с белым ободком. Но как бы то ни было, надо идти, знакомиться...

Еще издалека Люда улыбнулась приветливо, Елизавета Максимовна кивнула снисходительно – подойдите ко мне, мол. Люда подошла, села рядом на скамью:

– Добрый вечер, Елизавета Максимовна...

– Добрый вечер, Людмила. Вот вы какая. Собственно, я вас немного другой представляла...

Люда сглотнула нервно, слегка поежилась. В голосе Елизаветы Максимовны звучало такое разочарование, что не только съежиться захотелось, но и провалиться сквозь землю. А еще надо было что-то отвечать, поддерживать разговор. Но что отвечать-то? Да, я такая, мол? Простая скромная женщина без шляпки, и пальто у меня не габардиновое, а из дешевого драпа в клеточку? Но ведь именно такую меня ваш сын и полюбил...

Да, надо было так и ответить. Но не успела. Потому что Елизавета Максимовна вдруг улыбнулась примирительно, вздохнула, положила на ее руку свою ладонь в перчатке, произнесла быстро:

– Не сердитесь на меня, Люда, не сердитесь! Поймите меня правильно – это я сейчас сама с собой так борюсь... И знаете... Пусть будет как будет! Ладно, что ж! Ведь если мой сын сейчас не женится, он никогда уже не женится... Да, умом я все понимаю, но мой материнский эгоизм свою песню поет. Пусть будет как будет! Вы ведь любите моего сына, правда?

– Да... Очень люблю...

– Ну, вот и замечательно. У вас ведь двое детей, правильно?

– Да... Две дочки. Ириша и Леночка.

– Ну что ж, и это тоже неплохо... Я вижу, что в вас материнская составляющая очень сильная. А Саша, он такой... Он очень в любви нуждается. Нет, не потому, что я его мало люблю... Тут другое... Понимаете, он рос очень болезненным мальчиком, а в двадцатилетнем возрасте перенес очень тяжелую операцию на сердце... Его очень беречь надо, понимаете?

- Да, понимаю, Елизавета Максимовна... Я ведь не знала про операцию...
- Ну конечно! Разве он скажет? Он считает себя вполне здоровым человеком...
- Я буду его беречь, обещаю. Я его очень, очень люблю, Елизавета Максимовна... Обещаю...
- Ну, вот и славно. Со своей стороны я обещаю, что не буду вмешиваться в вашу семейную жизнь. Можете быть во мне уверены. Я не из таких... И еще вот что, Людмила... Я бы очень хотела, чтобы у Саши был свой ребенок... Ну, чтобы вы родили ему... По крайней мере, очень надеюсь, что возраст вам не помешает...
- Не помешает, Елизавета Максимовна. Это уже скоро случится.
- То есть... вы хотите сказать... что вы в положении?!
- Ну да... Именно это я и хочу сказать.
- Людочка, но это же просто замечательно! Это же... Это же просто чудо, какая вы молодец, Людочка! Я знаю, как Саша мечтает о ребенке... И это ничего, что у вас и свои дети есть, Людочка! Саша будет очень хорошо к ним относиться, об этом и не волнуйтесь даже!
- А я и не волнуюсь, Елизавета Максимовна. Все будет хорошо, я знаю.
- Господи, какую новость вы мне сообщили... Я даже разволновалась, а мне ведь нельзя... Мне прилечь бы надо... Я домой пойду, с вашего позволения...
- Давайте я вас провожу, Елизавета Максимовна! - резво подскочила со скамьи Люда.
- Нет-нет, этого не надо... Я сама дойду, это недалеко... И вот еще что, Людочка! Надеюсь, вы понимаете, что наша встреча должна остаться в тайне? Мне бы не хотелось, чтобы Саша думал, будто я в его жизнь вмешиваюсь...
- Да, конечно... Как скажете, что вы. Но давайте я вас все же провожу!

– Нет-нет, я сама... Я пройдусь потихоньку, окончательно приму в себя всю информацию... Всего вам доброго, Людочка! Надеюсь, что скоро встретимся. Я скажу Саше, что в эту субботу приглашаю вас на ужин... Чтоб соблюсти все формальности, так сказать... Всего доброго, Людочка! До встречи!

– Всего доброго, Елизавета Максимовна... До встречи...

На другой день Саша объявил ей торжественно, что мама приглашает их на ужин. Люда лишь улыбнулась, кивнула головой. Саша спросил удивленно, озадаченный таким отсутствием эмоций:

– Ты что, не волнуешься? Ты вроде так переживала, как знакомство с мамой пройдет...

– Почему не волнуюсь? Волнуюсь, конечно! Просто я думаю, какое платье надеть... Синее шелковое в горошек или бирюзовое кримпленовое? А может, костюм джерси, который я на работу ношу? А еще у меня есть белая блузка с кружевами, можно с черной юбкой...

– Да оденься как хочешь. Разве это важно? Я вот о другом думаю: как маме трудно одной будет, без меня... Для нее ведь это своего рода подвиг – остаться одной...

– Но ведь все матери когда-то остаются в этом смысле без сыновей, Саш...

– Да, конечно. Ты права. Ничего, она привыкнет. Поживет одна и привыкнет...

– Тогда... Может, ты ко мне уже переедешь, Саш? Чего тянуть? Потом, позже, в загс сходим... А можем и не ходить. Мне не принципиально. Я же понимаю, какая у нас разница в возрасте...

– Прекрати, Люд! Никогда мне не говори больше про эту разницу, договорились? А в загс мы обязательно сходим, да. У нас будет настоящая семья, дружная и счастливая. Так что я могу хоть завтра к тебе переехать, как скажешь!

– Нет, завтра не надо... Впереди выходные, и я как-то девчонок должна подготовить... Они ведь и не знают про тебя ничего! А с понедельника начнем

новую жизнь, семейную и счастливую... Конечно, я неправильно сделала, что девочкам про тебя не рассказывала. Что ж, буду за выходные наверстывать...

Как это легко сказать: «буду наверстывать». Попробуй наверстай за одни выходные... Вон какими Леночка глазами любопытными смотрит, и столько там вопросов невысказанных...

– А какой он, мам? Добрый? Он будет со мной играть? А из садика меня забирать будет? Можно я всем скажу, что это мой папа? А то у всех ребят папы есть, а у меня будто никогда и не было...

– У тебя был папа, Лена. Я же тебе рассказывала. Ты просто не помнишь его, ты маленькая совсем была, – задумчиво проговорила Ириша, отодвигая пустую чашку с чаем. Потом глянула на мать серьезными карими глазами, проговорила тихо: – Чем сегодня займемся, мам? Надо ведь подготовиться как-то... Когда, ты говоришь, здесь этот... твой муж появится?

– Завтра, Ириш.

– Уже завтра?

– Ну да... А чего тянуть? И знаете, девочки, что мы сейчас сделаем? Давайте-ка мы с вами генеральную уборку затеем! Чтобы все чистотой блестело! Все-таки такое событие у нас, не каждый день мама замуж выходит, правда?

* * *

После регистрации собрались дома, по-семейному. Приехала Людина мама из Каменки, привезла деревенских продуктов: сало, сметану, солений всяких. За столом эти продукты пошли на ура, и даже Елизавета Максимовна позволила себе снисходительно удивиться:

– Разве это сметана? Надо же... А я думала, это масло... А огурчики у вас, Зинаида Матвеевна, просто прелесть... Даже вкуснее корнишонов, честное слово!

Мама потом на кухне выговаривала Люде, поджав губы:

– Господи, Людка, и где ты их откопала только? Что мамаша, что сынок... Они что, нормально разговаривать не умеют? Корнеплоды эта сватья новоявленная приплела... Это ж огурцы, а никакие не корнеплоды!

– Корнишоны, мам... Это так маленькие огурчики называют...

– Ну так все равно ж – огурцы! Как их ни назови! Просто она себя хочет перед нами показать, вот и умничает... А этот твой? Новый мужик? Даже водки не пьет... Тянет винцо, как барышня...

– Ему нельзя водку, мам. У него сердце больное.

– Господи, час от часу не легче! И зачем он тебе сдался – с больным сердцем? Да уж... Хочешь не хочешь, а вспомнишь твоего Ивана покойного... И здоров был как бык, и выпить был горазд... А этот?... Такой хлипкий, того и гляди переломится... Да еще и на все готовое пришел... Как хоть он зарабатывает, никак, поди?

– Хорошо он зарабатывает, мам. Он у нас на предприятии технологом работает.

– А... Образованный, значит... Это хорошо. С паршивой овцы, как говорится, хоть шерсти клок... А мамаше его ты сразу не поддавайся, поняла? Ишь, смотрит на нас, как солдат на вошь... Сплавил сыночка на все готовенькое и смотрит! Глаза бы мои на все это хозяйство не глядели... И ты тоже хороша, Людка! Нет чтобы с матерью посоветоваться, прежде чем мужика в дом привести! Погоди, погоди... Вот опомнишься, да поздно будет... Присосется он к твоей жилплощади, как подлый клещ... Потом захочешь выгнать, да и не выгонишь! Знаю я таких, шибко интеллигентных... На словах-то у них одно, а как чужое хапнуть понадобится, сразу вместо слов коготки выставляют! Погоди, погоди, наплачешься с ним еще, вспомнишь, что мать говорила... Еще и ребенка тебе заделает, погоди...

– Уже, мам. И я очень этому рада, так что давай без дальнейших комментариев, хорошо?

– Ахти! Это чему ж ты рада, дурочка? Сама себе яму роешь – и рада?

– Ну все, мам, все... Давай уже горячее гостям понесем... Сейчас твоя свининка домашняя опять на ура пойдет! И вообще, спасибо тебе, мам... Так с продуктами помогла... В магазинах сейчас так плохо с продуктами стало – ужас...

Елизавета Максимовна обозвала запеченную свинину «прелестнейшей буженинкой», чем снова рассердила маму. Люда послала ей через стол умоляющий взгляд – пожалуйста, мам... Потерпи...

Наконец свадебный ужин подошел к концу. Елизавета Максимовна вежливо распрощалась, ушла. Саша пошел провожать ее до такси. Люда постелила маме в девчачьей комнате, завязала на спине тесемки фартука, встала к раковине – посуду мыть, но вернувшийся Саша решил все по-другому, скомандовав с улыбкой:

– Девчонки! Ириша, Леночка! Мама устала, давайте ее освободим, пусть идет отдыхать! А мы с вами обязанности распределим... Вы таскаете на кухню посуду со стола, а я встаю к мойке. Вместе мы быстро справимся, правда?

Что-то было в его голосе – дружески обаятельное. Вон как девчонки принялись за работу – с энтузиазмом. Люда смотрела на их суету, лежа на диване, улыбалась счастливо. Все-таки какой Саша молодец... Так легко вписался в семью, будто жил с ними всегда... И как хорошо знать, что о тебе заботятся... Что любят... Господи, за что, за что ей такое счастье? Завтра утром мама уедет, и начнется настоящая семейная жизнь...

Да, она была очень счастлива тогда... Единственное, что омрачало ощущение полного счастья, – это токсикоз. Всю ее измучил, проклятый. Но все равно приятно было видеть, как Саша за нее переживает... Как заботливо ставит на прикроватную тумбочку графин с лимонной водой. Как склоняется, ласково гладит ее по голове:

– Как ты? Лучше немного? Налить воды? Я два лимона туда выжал и немного сахару добавил... Очень уж кисло получилось...

– Да нормально, Саш... Ты посиди со мной, мне и легче будет.

– Я посижу, Люд. Только чуть позже, ладно? Там Ирише с математикой надо помочь... Знаешь, я думаю, с ней больше заниматься надо, девочка очень

способная, все на лету схватывает.

- Да, Саш, занимайся... Когда ты ей объясняешь, она сразу все понимает... А я так не могу. У меня, наверное, педагогических способностей нет. А Леночка вам не мешает заниматься?

- Нет. Сидит рисует.

- Да... Воспитательница в садике говорила, у нее способности к рисованию...

- Кстати, о садике, Люд. Я сам по утрам Леночку в сад водить буду. И Иришу в школу сам соберу, и завтрак приготовлю. А ты поспишь лишнего полчасика, тебе полезно.

- Какой ты... Прямо золото, а не муж. Обо мне давно так никто не заботился. Да что там говорить - никто никогда не заботился... Я так счастлива, Саш, если бы ты знал...

- Дядь Са-а-аш! - услышался из коридора тягучий голосок Ириши. - У меня опять с ответом не сходится, дядь Са-а-аш...

- Ну все, иди, иди! - заторопила его Люда. - Успеет еще поговорить...

На каникулы Люда отправила Иришу к маме в деревню, а Леночка ехать наотрез отказалась. Люда хотела настоять, но Саша ее остановил:

- Не надо, Люд... Не хочет, пусть не едет. Я даже с тобой секретом одним поделюсь, только ты меня не выдавай... Леночка сама просила, чтобы я за нее заступился. Ну не хочет она в деревню, и все тут! Не надо приказывать ребенку... Тем более ты ж скоро в декретный отпуск пойдешь, и Леночку можно будет не водить в садик... А пока я сам ее водить буду...

Так они однажды утром и шли до садика не торопясь. Утро было солнечным, день обещал быть жарким. Леночка шурилась, прикрывала глазки от солнца ладошкой. Потом вдруг выпалила, дернув Сашу за руку:

- Дядь Саш! А ты больше мне в папы подходишь, чем Ирке! Вот!

- Это почему же? – опешил слегка Саша.
- Ну, потому... Больше подходишь, и все!
- Это ты сама так решила, да?
- Нет... Я просто слышала, как взрослые тетеньки на скамейке у подъезда разговаривали. Я сзади подошла, они меня не видели... Они про тебя говорили... И про Ирку...
- Подслушивала, стало быть? Но ведь подслушивать нехорошо, Леночка...
- Да я знаю, что нехорошо! Но если уж слышно, что говорят... Ты бы сам не стал подслушивать, что ли?
- Не стал бы.
- Честное слово?
- Честное слово. Зачем я буду подслушивать, что чужие тетеньки обо мне говорят? Мало ли, что им в голову взбредет...
- А они говорили, что ты мне больше в папы подходишь, вот! – упорно гнула свое Леночка. – Потому что я маленькая, а Ирка уже большая, чтобы для тебя дочкой быть! И еще они сказали, что у нашей мамы ума не хватает... Что будто бы это плохо... Ну, что Ирка не может быть тебе дочкой...
- Глупости они говорят, Леночка. А мама наша очень умная, и семья у нас хорошая, правда?
- Правда, правда... А тогда почему они так говорят?
- Не знаю... Завидуют, наверное. Когда у кого-то все хорошо, это многим не нравится... У нас ведь все хорошо, правда?

- Правда, правда... Только я знаю, что Ирка тебя стесняется, вот. Раньше она могла в одних трусиках по квартире ходить, а теперь боится, что ты ее увидишь! Я ей говорю - ты чего, совсем глупая? Трудно тебе халатик надеть, что ли? Дядя Саша ведь тоже в трусиках по квартире не ходит, правда? А она только отмахивается... Ты уж, дядя Саша, не ходи в трусиках по квартире, чтобы Ирка не стеснялась, хорошо? Хотя ты и так никогда не ходишь...

- Да, я учту. Ну, мы уже пришли... Сегодня я тебя заберу, договорились?

- Ага... Пока, дядь Саш!

- Пока, Леночка...

Вечером Саша рассказал Люде, какой у него состоялся диалог с Леночкой. Люда только рассмеялась тихо:

- Вот ведь какая растет, а? Все примечает, обо всем свои выводы делает... И поучать любит, как надо. С таким шпионом в семье не пропадешь... А с Иришей я сама поговорю, Саш. У нее сейчас возраст такой... Она всех дичится... Ой... Ой... Ой, не могу...

Люда побледнела, обмякла вся, схватившись рукой за горло. Саша спросил испуганно:

- Что, Людочка, что? Плохо тебе, да?

- Да ничего... Просто голова закружилась, и опять тошнота к горлу подступила... Нормальное состояние в моем положении...

- Я сейчас воды тебе принесу, Люд!

- Да не надо. Проходит уже. Да я и привыкать начала... Если уж без токсикоза не обойтись, надо как-то и с ним жить... Я уж все это дело наперед знаю. И с Иришей когда ходила, так было, и с Леночкой...

- Значит, девочка будет, да? - осторожно спросил Саша.

- Да, скорее всего... А ты, наверное, о сыне мечтаешь, Саш?

- Нет, Люд. Может, тебе это покажется странным, но я дочку хочу. Знаешь, она мне даже иногда снится... Я так четко ее вижу... И что-то происходит со мной во сне, сам не понимаю... Будто я теплым светом наполняюсь, и такое счастье внутри, такое счастье... Нет, я рассказать не могу, этого не расскажешь. Я и сам не знаю, что это.

- Это любовь, Саш... Ты будешь ее очень любить, когда она родится. Очень будешь любить...

- А как мы ее назовем, Люд?

- Не знаю... А как бы тебе хотелось?

- Давай Танечкой. Хорошее имя. Танечка. Танюша. Таточка...

- Ну хорошо, пусть будет Танечка... Да, мне нравится - Танечка. А Таточка еще лучше звучит... Особенно когда ты произносишь! Столько в твоём голосе нежности - Таточка...

* * *

В конце августа Таточка появилась на свет. Сами роды прошли вполне благополучно, хотя последние два месяца дались Люде ой как нелегко... Не молоденькая ведь уже, как ее назвали врачи в роддоме - старородящая. Обидно звучит, конечно. Хотя и не до обид было, быть бы живу...

Саша встречал их с Таточкой из роддома торжественно: с цветами, с конфетами, с огромной гроздью надувных шаров. Насчет шаров - это девчонки постарались. А когда увидели мать на крыльце роддома со свертком в руках, такой радостный визг устроили, что Люде пришлось даже рассердиться - малышку же испугать можно...

Она навсегда запомнила этот момент - как Саша взял из ее рук Таточку. Как отогнул край кружевного покрывальца, глянул в лицо. Как нервно дернулся кадык на его худой шее, как застыл изваянием и будто дышать перестал...

Долго так стоял. Ничего не слышал, не видел. Только он и Таточка. И все. И будто никого больше рядом нет.

Она была очень счастлива в этот момент. И горда собой. Если б знать, чем обернется в дальнейшем это счастье... Если б знать...

Поначалу тоже все было замечательно – так Люде казалось. Принесли домой Таточку, начались обычные семейные будни: суетливые, запыленные от постоянного недосыпа, с развешанными повсюду пеленками и звоном погремушек над Таточкиной кроваткой. Саша взял на работе отпуск и все четыре недели был дома, практически не выпуская дочку из рук. Сам купал, сам пеленал, сам укачивал на руках. Люда ворчала слегка – чего ты ее к рукам приучаешь, Саш... Потом, когда на работу выйдешь, она ж на мне отыграется! Ничего ведь сделать не даст... Ни обед приготовить, ни постирать... Не держи ее на руках долго, не приучай!

Он только улыбался, смотрел удивленно, будто и не слышал, что она говорила. И казалось, с сожалением передавал ей Таточку в руки, когда приходило время кормить... Еще и сидел рядом, и смотрел, как Таточка сосет жадно. Слава богу, молока у нее хватало. Но Саша все равно потом беспокоился – не осталась ли доченька голодной, не дай бог... И опять ходил с ней туда-сюда, как маятник. Укачивал. Будто она и сама бы заснуть не могла... Потом, уже спящую, укладывал в кроватку. И долго сидел рядом, смотрел, насмотреться не мог.

Отпуск пробежал быстро, в конце сентября Саша вышел на работу. Как Люда и предсказывала, начались мучения: Таточка ни за что не соглашалась лежать в кроватке одна! Да и не только в кроватке... Людиных рук она тоже особо признавать не желала. Как только Саша уходил на работу, сразу начинала плакать...

Да что там говорить – вся семейная жизнь пошла кувырком. Люда не успевала с обедом, а девчонки приходили из школы голодные. Кормила их кое-как, сажала за уроки. Но какие могут быть уроки, если Таточка все время кричит?

Но приходил с работы Саша, и все налаживалось. Хотя нельзя сказать, что Саша приходил. Он прибегал запыхавшись. Быстро мыл руки в ванной, брал Таточку на руки. И та сразу замолкала, глядела на него круглыми глазками, будто сердилась слегка – чего ж ты, папочка, так надолго меня оставил... Саша

склонялся над ней, бормотал что-то в ушко, и Таточка радостно дрыгала ножками, шлепала ладошками по Сашиным губам, принималась гулить, будто отвечала ему что-то на младенческом языке...

А Люда за это время делала то, что не успевала за день. И снова ворчала на Сашу – приучил-таки ее к рукам, не надо было этого делать...

Сначала с любовью ворчала. Потому что не каждого мужа и отца в таком деле обвинишь, правда? Это ж только посмотреть, какие отец к своей дочке нежные чувства испытывает... Посмотреть да умилиться про себя и сплунуть потихоньку через левое плечо – тьфу-тьфу, чтобы не сглазить...

А потом она ворчать перестала. Почувствовала вдруг – что-то идет не так. Перебор какой-то в умильных чувствах получается. Напрягает. И даже что-то вроде раздражения внутри растет... Ну вот чего, чего он ребенка весь вечер на руках держит? Других дел у него, что ли, нет? Вон Ириша подошла, попросила помочь задачку по геометрии решить, а он – ноль внимания... И Леночке не разрешил над Таточкой погремушками побренчать – вдруг она испугается... А чтобы в магазин сходить – вообще его не допросишься! В магазин – это только с Таточкой в коляске! Да на улице дождь осенний стеной стоит – какие могут быть прогулки с колясками? Ну как тут не начать раздражаться, скажите?

Конечно, она уговаривала себя быть спокойной, как раньше. Призывала свое счастье обратно. Нельзя ведь злиться – счастье не любит этого. Ведь все хорошо, по большому счету... Отец любит свою дочку, души в ней не чаает... Что в этом плохого-то? Ее ведь Елизавета Максимовна предупреждала, что Саша мечтает о дочке, вот его мечты и исполнились! Счастлив человек, за него же порадоваться надо! А она все чем-то недовольна... Нет, нельзя так. Все хорошо у них, все отлично, все просто замечательно, да...

А потом она уговаривать себя перестала. Уже ясно стало, что счастье сбилось с дороги, свернуло не туда. Или видоизменилось как-то... Так видоизменилось, что узнать нельзя. Будто нет у нее больше мужа, а просто присутствует где-то рядом отец ее ребенка, и все. И к ней этот отец уже никакого отношения не имеет.

Нехорошо было на душе. Неуютно. Даже плакать принималась от непонимания и бессилия. И ведь не посоветуешься ни с кем, потому что и не объяснить толком, что она чувствует... Вон и Нинка только пожала плечами, когда она попыталась ей душу раскрыть...

– Дура ты, Людка, вот что я тебе скажу! Зажравшаяся от счастья дура! Да тебе ж любая замужняя баба позавидует, ей-богу! Да чтобы муж так со своим ребенком носился, где ты такое видела вообще? Ты посмотри, посмотри, как у других! Придет с работы, усядется с пивом на диване, и никаким младенческим криком его не проймешь... Еще и рассердится – иди, мол, успокой ребенка! Я, понимаешь ли, на работе устал, мне отдохнуть надо, а тут пеленки да детский крик... Сама-то не работаешь, так хоть мужику обеспечить достойный домашний отдых... Да все они такие, Люд, все такие! А твой Саша не такой, и радуйся! На диване не сидит, пива не пьет, ребенка любит! Вот я тебе расскажу, как мне Маша из третьего подъезда наемни жаловалась на своего мужа толстопузого... Это ж убийство, а не счастливая семейная жизнь!

Нинка так распалась в живописаниях обыденного семейного бытия, что Люда только смеялась, и казалось, что все ее опасения и впрямь смешны и нелепы... А потом приходил Саша с работы, нежно забирал из ее рук Таточку и уходил с ней в спальню – подальше от всех, и даже дверь закрывал... Словно не хотел впускать ее с дочками в свой мир. То бишь в его с Таточкой мир. И опять было до слез обидно... Они что ему, совсем чужие?

– Да ты просто ревнуешь, мать... – снова выносила свой вердикт Нинка, глядя на Люду насмешливо, даже слегка презрительно. – Ну сама подумай, куда тебя несет, а? Ревнуешь своего мужа к родной дочери... Чуешь, чем ситуация пахнет, а? Как бы сказал Колька, мой бывший муж, Фрейд на пару с Юнгом курят в сторонке... И не спрашивай меня, кто это такие, ладно? Я и сама толком не знаю. Просто он так всегда говорил, когда видел, что тараканы в башке у человека зашкаливают...

– Нет у меня никаких тараканов в голове. Просто я вижу, что происходит. Будто меж нами стена растет, понимаешь? Будто баррикада какая... С одной стороны баррикады – я с дочками, с другой – Саша с Таточкой. Теперь я понимаю, почему он так хотел дочку... Так о ней мечтал...

– И почему же? Чтобы баррикаду построить, что ли? Да не говори глупостей, Людка! Слушать противно, ей-богу! И вообще... Мне бы твои заботы и беды... Я

бы так счастлива была...

Нинка принималась плакать, и Люда уже не рада была, что затеяла с ней подобные разговоры. И в самом деле, чего ж она... Да разве с Нинкой такие темы обсуждать? Ее-то сынок Володька так домой и не вернулся из Афганистана... Пропал без вести, сгинул где-то в горах... А может, в плен попал, мается теперь на чужбине... А она к ней с такими глупостями лезет, совсем уже голову потеряла!

- Прости, Нин... Прости, я больше не буду... Хочешь, домашнего вина налью? Мне мама недавно привезла... Такое вино вкусное, сама бы выпила, да нельзя, пока грудью кормлю...

- А давай. Налей полстаканчика. Выпью за твое семейное счастье, Людка. Если уж своего никакого нету...

- Ты в военкомате давно была, Нин?

- Да все время туда наведываюсь... Они там все меня уже в лицо знают. Тычут мне бумаги какие-то... Вот, мол, ответ на запрос, посмотрите... Не знают о вашем сыне ничего, пропал без вести... И ведь никому никуда не пожалуешься, Люд! Везде они морды твердокаменные, глаза холодные! Бубнят что-то про исполнение интернационального долга, и все. А мне-то что с того интернационального долга? Мне бы сына вернули – хоть каким... А они все бубнят, бубнят... Сволочи...

- Ну все, Нин, не плачь, не надо... Давай еще вина налью?

- Давай... Вот сопьюсь с горя и помру в своей квартире одна... Так жить невыносимо – совсем одной, Люд... Давай хоть за твое счастье выпью, что ли...

Больше Люда ни о чем таком с Нинкой не советовалась. Думала, думала и решила поговорить с Сашей. Открыть ему глаза на происходящее. Может, он просто не видит, не замечает ничего, что в семье происходит? Совсем ослеп от любви к дочери?

Но разговора не получилось. Потому что Саша молчал, смотрел на нее удивленно и грустно. Ей показалось, что взгляд его был даже слегка затравленным, будто его к стенке приперли и нет возможности выбраться на свободу. А ее несло и несло! Обиды текли, облеченные в торопливый слезливый говорок, и не было никаких сил остановиться...

- Да ты вообще перестал меня замечать, Саш! Будто я не жена тебе, а приходящая нянька для Таточки! Девчонок также будто не замечаешь, уж они и так к тебе подходят, и сяк... Им ведь это обидно! Нет, я понимаю, конечно, что ты им не родной отец... Но тогда надо было сразу такие акценты ставить, никто ведь тебя не неволил... Ты же их сам к себе расположил, сам приблизил... А теперь что получается? Родная дочь родилась, и мы побоку? Ну что, что ты молчишь? Ответить нечего, да?

Саша снова глянул на нее с удивленным отчаянием, проговорил тихо:

- Ну что ты говоришь, Люд... Перестань... Все у нас хорошо, не придумывай... Просто я на работе очень устаю, у нас же вечный аврал, ты знаешь...

- Вот именно - вечный аврал. Что-то раньше этот аврал не мешал тебе быть моим мужем. А сейчас... Да ты даже спать со мной практически перестал, Саш... Нет, я вообще не понимаю, что между нами случилось, не понимаю... С одной стороны - счастье ведь, дочка у нас родилась! А с другой... Тебя будто подменили...

- Люд, ты все себе надумала, правда! Ты тоже меня пойми... Я так мечтал, что у меня будет дочь... И вот она появилась... Может, я и впрямь немного сошел с ума от новых ощущений. Наверное, я ненормальный отец, Люд. Ты прости меня, если что-то не так... В любом случае я не хочу, чтобы ты слишком болезненно воспринимала то, что со мной происходит!

- Да как же не воспринимать-то, Саш? Как?

- Прости, Люд. Я понял тебя. Я услышал. Я постараюсь быть прежним, Люд...

Проснулась в кроватке Таточка, заплакала, и Саша рывком бросился на зов дочери, и Люде показалось, что он тут же забыл об их разговоре и весь ушел в свое нежное бормотанье:

– Ты проснулась, радость моя... Солнышко... Таточка... Папа с работы пришел, а ты спишь... Сейчас, сейчас, я тебя перепеленаю, будем кушать... Или давай с тобой ползунки лучше наденем, ага... Ух, какая ты у меня молодец! Вот так! Вот так мы ножками дрыгаем! Зачем нам пеленки, нам в ползунках свободнее, правда?

Люда только руками развела, глядя на эту идиллию, – и откуда в нем столько нежности взялось? Ведь это вроде материнская прерогатива – сюсюкать над ребенком да умильные слюни пускать... И вообще, она считала, это лишнее – избыток сюсюканья. Над Иришей и Леночкой она сроду такие телячьи нежности не разводила. А тут... Странно как это все, непонятно...

Потом, позже, не отдавая себе отчета, она сделала попытку отвоевать Таточку у Саши и тоже принялась кружить над ее кроваткой, как орлица над орленком:

– А кто это у нас тут проснулся, а? Солнышко мое, лапушка, Таточка? Агу-агу, Таточка! Агу-агу! Где наш животик, где наши ножки с ручками! Ну же, улыбнись маме, Таточка! Агу-агу!

Таточка лежала в кроватке, нахмутив бровки, внимательно глядела на мать. Будто говорила глазами: ну ты чего тут затеяла со мной хороводы, не надо... Это только папе можно, а тебе – нет... Потом еще и палец в рот засунула, и голову отвернула – не хочу с тобой общаться, и все тут. Перепеленать – можешь, накормить – можешь, а остальное все папино...

А у Люды ком к горлу подкатывал – да как же так-то? Господи, что же это такое творится, непонятное и жестокое? Чтобы с рождения и на родную мать волком смотреть... Да кто же это так распоряжается там, наверху, кто по людям любовь раздает, чтобы все было отцу отдано, а матери – ничего? За что ей такое наказание, чем она его заслужила?

Наплакалась, глаза красные стали. Саша пришел, даже не заметил, даже в лицо ей не глянул. Сразу к Таточкиной кроватке. А та уж навстречу отцу трепещет вся, ручонками-ножонками дрыгает, пузыри пускает, от счастья повизгивает – папочка пришел, родненький! Счастье-то какое! Любовь-любовь!

И первое слово сказала: «Папа». Нет, до «мамы» тоже дело дошло, но позже. Как бы ненароком. Обиняком. Большим одолжением...

Обида росла и росла, будто камень в груди рос. Она даже начала привыкать к этому состоянию, смирилась почти. Так проще – с камнем. Перестаешь реагировать болезненно на происходящее, воспринимаешь его как должное, и все.

Да, так легче. Только девчонок жалко. Как росли без отца, так и дальше будут расти. Потому что Саша им не отец. Хотя после того разговора он будто очень старался исправить положение – то с Иришей сядет заниматься, то с Леночкой какую беседу затеет... Но все равно видно, что «через не хочу» это делает. А зачем так-то? Лучше уж никак...

Однажды ее опять прорвало – снова Саше все высказала. Это когда он забыл на родительское собрание в школу сходить. Ох, как прорвало...

– Я ведь просила тебя, Саш, по-человечески просила! И утром, когда на работу уходил, напомнила: вечером родительское собрание у Ириши! А ты? Да как ты мог, Саш?

– Прости, Люд... Я просто закрутился на работе, забыл...

– Конечно, ты забыл! Если бы дело твоей доченьки касалось, ты бы на крыльях полетел, правда? А чужой ребенок тебе зачем?

– Люд, не надо... Не говори так...

– А как, Саша? Как? Ты думаешь, мне не больно на все это смотреть, да? Конечно, я понимаю, Таточка – твоя родная дочь... Ты испытываешь к ней нежные отцовские чувства... Но ты не забывай, пожалуйста, что она и моя дочь тоже! Что Ириша с Леночкой ей сестрами приходится! Что у нас семья, в конце концов! А если ты не хочешь этого признавать, то что ж, давай, я тебя не держу! Вот бог, вот порог! Уходи на все четыре стороны, скатертью дорога!

– Люд, ну что ты, опомнись... Ты же знаешь, что я этого никогда не сделаю... Не смогу просто...

– А! Ну да! Я ж забыла! У тебя же здесь дочь растет, которую ты не сможешь оставить! Ради дочери ты на все готов, даже в постылой семье находиться! Что, скажешь не так, да? Неправильно я говорю, скажешь?

Люда задохнулась, махнула рукой, закашлялась, будто подавилась своей обидой. И расплакалась навзрыд, ушла в спальню, закрыла дверь. Плакала долго, пока не утихла. Слышала, как пришли девчонки с прогулки, как проснулась и захныкала Таточка... А еще заботливый Сашин голос услышала:

– Тихо, девочки, тихо... Пусть мама поспит. Она... Она очень устала сегодня. Я сам вас ужином накормлю... Пойдемте на кухню, только тихо, на цыпочках... Пусть мама спит...

Она снова заплакала, но чувствовала, что на душе стало легче. И еще почему-то глупая мысль пришла в голову: давно надо было его так-то вот припугнуть... Мол, не хочешь нормально жить – вон бог, вон порог... Хотя, если честно, вовсе не собиралась такие слова говорить, сами вырвались. Да о расставании уж точно не думала. Потому что ведь любит она его, все равно любит... И вообще, все будет хорошо со временем, надо на это надеяться... Может, и права была Нинка, когда говорила про Сашу: таких, мол, отцов любящих днем с огнем поискать... И пусть любит на здоровье, что ж... Имеет право, в конце концов.

С тех пор как будто все наладилось, и жизнь покатила дальше. Но нутром Люда понимала – ничего не наладилось. Не было больше той счастливой ауры, не было больше прежнего Саши, открытого, радостного, всецело принадлежавшего ей и ее дочкам... Но надо было как-то жить. И с этим жить.

Наверное, обида свернулась внутри змейкой и затихла. И Саша при ней перестал так бурно проявлять свою любовь к Таточке. Сквозило в его отношении к дочери что-то нарочитое, будто он для Люды старался пригладить обидную для нее ситуацию. Будто спохватываясь, проговаривал торопливо: а что наша мамочка нам скажет, Таточка... А вот мы сейчас мамочку спросим... Как ты себя вела сегодня, Таточка, мамочку не обижала?

Кого он хотел обмануть этой нарочитостью, интересно? Ее? Девочек? Самого себя?

Но как там ни рассуждай, а в семье установился мир. Пусть хрупкий. Пусть настороженный. Шли годы, росла Таточка, девчонки выросли и начинали жить своей жизнью... Только успевай события мимо себя пропускать!

Вот Ириша окончила школу, поступила в институт. Вот Таточке исполнилось шесть лет, устроили дома большой семейный праздник. Вот Леночка заняла первое место на городских юниорских соревнованиях по плаванию – молодец! Тренер ее хвалил, говорил, что у нее большое спортивное будущее...

Да, жизнь быстро менялась. Не менялось только отношение Саши к родной доченьке. Такие меж ними установились отношения, будто это он родил ее, а не родная мать. Будто меж ним и дочерью пуповину не перерезали. Люду больше всего злило то обстоятельство, что дочь даже спать не соглашалась без Саши. Вроде он и сидит около нее вечером, и сказку на ночь читает, и ждет до победного конца, когда заснет... А ночью Таточка все равно просыпается, и бежит к ним в спальню, и ныряет в постель... И ладно бы в серединку ложилась, требуя обоюдной родительской ауры, – ведь нет! Все норовит с краю к отцу подлезть... Люда пробовала бороться с этим безобразием, даже силой утаскивала Таточку из спальни, да где там... Только против себя дочь обозлила. Потом махнула рукой: пусть делает что хочет...

Тата вообще относилась к ней очень настороженно, обидно вежливо. Да и то было понятно, откуда взялась эта вежливость... Наверняка Саша уговаривал дочь не обижать мамочку. Вот она и не обижала. Делала послушно то, что Люда просила. Но как только дома появлялся Саша, бросалась к нему на шею, вжималась в него вся, будто защиты просила... От кого защиты-то? От родной матери, что ли? Саша тоже обнимал дочь, смотрел на Люду виноватыми глазами. А что она могла сделать? Только вздохнуть и плечами пожать... И в сотый раз самой себе задать вопрос отчаянный: да кто, кто же это распоряжается там, наверху, так несправедливо? Кто по людям любовь раздает так, чтобы все было отцу отдано, а матери – ничего? Ведь поровну должно быть, поровну... За что ей такое наказание, чем она его заслужила?

А потом пришла новая беда – Саша стал пропадать вечерами. Нинка рассказала, что видела его в кафе с молодухой... Даже описала ее подробно – ничего такая, культурно выглядит. Белобрысенькая такая. В очках.

– ...И знаешь, Люд... Он так на нее смотрел... Даже не пойму, какие слова правильные подобрать! Тихо так смотрел, с улыбкой... Я бы сказала, с грустной

нежностью...

Особенно эта «грустная нежность» Люду добила. Даже нахамила Нинке, обозвала сорокой, которая новости на хвосте приносит. Нинка сначала обиделась, а потом пожалела ее:

– Да ты не кисни, Люд... Ну сама посуди – куда он от тебя денется? Он ведь так любит Татку...

– Да. Любит. А меня, выходит, совсем не любит. И что же мне теперь делать?

– А ничего не делать. Жить. Думаешь, ты одна такая, что ли? У всех мужики налево ходят... Но все равно ведь живут в семье! Семья – это святое! Не зря говорят: левак укрепляет брак! И ты нисколько не хуже выглядишь, чем эта его... В очках... Я бы даже сказала, что ты гораздо симпатичнее! Правда, она худая очень, а ты немного поплыла после третьих родов... Но тебе даже идет, правда!

– Хм... Ничего себе, успокоила...

– Да ладно! Говорю же, тебе идет! Да и сама на себя в зеркало посмотри, ну? Красавица же, чистая красавица! Да ты сто очков вперед дашь всяким там белобрысыньким да худым! Ну, не кисни давай...

– А я и не кисну. Некогда мне киснуть, сама понимаешь. У меня семья, трое детей.

– Вот именно, трое детей... Это главное, Люд. Ничего, Люд, перетерпи, будь мудрой...

Не получалось у нее быть мудрой. Может, вообще никакой мудрости в ней отродясь не было. Потому и не нашла ничего лучше, как обсудить это обстоятельство со свекровью, Елизаветой Максимовной. То есть попросить ее хотела на сына повлиять. На что надеялась, глупая? Разве можно было ожидать помощи от Елизаветы Максимовны? Разве можно было что-то другое от нее услышать?

– ...Знаете, Люда, вы совершенно зря взялись со мной обсуждать эту тему. Я ведь никогда не вмешивалась в вашу семейную жизнь, и вы должны быть мне за это благодарны, не правда ли? Так зачем же сейчас... Нет-нет, разбирайтесь сами, я даже пальцем не шевельну... Мой сын – взрослый самостоятельный мужчина, и я не имею права влиять на его жизнь. Разбирайтесь сами, Люда... Только сами...

Часть 2

Саша

– ...У тебя кто-то есть, это правда? Ты извини, что я спрашиваю, конечно... Ты же знаешь – это не в моих правилах... Но все же, Саш?

Елизавета Максимовна так требовательно смотрела на сына, что приложенные к требованию извинения звучали довольно фальшиво. Так фальшиво, что Саша снова почувствовал себя пятиклассником, которому предстоит ответить за свое плохое поведение перед строгой матерью. И ответил тоже как пятиклассник, даже глаза выпучил, изображая крайнее удивление:

– Да с чего ты взяла, мам? Почему такие странные вопросы задаешь?

– Почему, почему... Мне твоя Люда звонила, вот почему. Хотела поделиться со мной подозрениями, но я не стала ее слушать... Но все же решила спросить у тебя... Что, наелся уже семейной жизнью, да, сын?

– Да нет, мам... Люда просто фантазирует, делает из мухи слона... Все у нас хорошо, отлично просто.

– Ну, меня-то можешь не обманывать, чего уж... Я сразу все поняла, когда она позвонила. Это жену обмануть можно, а мать не обманешь. Слишком хорошо я тебя знаю. Да и как может быть иначе? Ты ж мне родной сын... Как говорится, плоть от плоти, кровь от крови... У тебя мой характер. Если уж разлюбил, то все... Притворяться больше не сможешь. Я ведь тоже с твоим отцом поэтому разошлась... Хотя он прекрасный был человек, добрый, щедрый и меня любил

без ума... Так что давай признавайся, что там у тебя происходит! Да не увливай... И не бойся сказать правду. Я пойму, сынок.

- Да ничего особенного не происходит, мам... Прости, но я не хочу обсуждать эту тему. Даже с тобой.

- Значит, сама по себе тема все-таки есть?

- Ну...

Саша пожал плечами, вздохнул, отвернулся к окну. Елизавета Максимовна поднесла к губам чашку с остывшим чаем, сделала глоток, потом медленно поставила чашку на стол. Руки ее слегка подрагивали – первый признак, что нервничает. И давление, наверное, подскочило. Помолчав немного, произнесла тихо ту самую фразу, которую произносит большинство матерей в подобных случаях:

- А я ведь тебе говорила, Саш, говорила... Я тебя предупреждала, Саш... Думаешь, это так легко, когда дети чужие? Да и жена старше... Надо иметь очень высокую степень любви и благородства, чтобы все это на себе тащить...

- Да вовсе дело не в этом, мам... – слабо возразил Саша.

- В этом, в этом! Это же очень привлекательно для мужчины – быть благородным! И ты тоже попался на эту удочку, не смог и не захотел отвергнуть любовь женщины... Ведь чего скрывать – Люда сама себе тебя организовала, правда? Высидела, как несущка яйца высиживает. И заполучила. Вот и ты тоже – получай... Это урок тебе такой. Надо быть просто мужиком, а не теленком, который идет на поводу женских желаний. Я еще тогда тебе говорила, а ты не послушал...

- Ничего такого ты мне не говорила, мам. По-моему, ты с радостью приветствовала мой брак, насколько я помню.

- Да. Приветствовала. Но в то же время я предупреждала тебя, но ты забыл... Или ты хочешь сказать, что я в маразм впала, да? Ну, знаешь ли, милый... Мне шестьдесят пять всего, и я еще получаю удовольствие от своего здравомыслия.

И от жизни вообще. Мне совсем не хочется в ней что-то менять, включаться в какие-то переживания и расстройства...

- А не надо ни во что такое включаться, мам. Я сам все решу. Я уже большой мальчик, мне скоро сорок стукнет.

- Вот именно, стукнет... Так стукнет, что не обрадуешься. Самый кризисный для любого мужчины возраст, между прочим. Переоценка ценностей, недовольство, кардинальные перемены в жизни, и не всегда в лучшую сторону... А тебе вредны такие эмоциональные перегрузки, очень вредны! Не забывай, что у тебя сердце слабое, может и не выдержать! Поэтому надо взвесить все очень хорошо, чтобы решаться к переменам!

- Да к каким переменам, мам...

- Прекрати, Саш. Еще раз повторяю: меня не обманешь. И еще раз повторяю: постарайся обойтись без эмоциональных перегрузок. Потому что разрушение старого счастья - это большая перегрузка, да. Но вхождение в новое счастье - это еще более глобальная перегрузка.

- Я учту, мам...

- Вот и учти. Тебе ведь непросто будет. Я знаю, как ты привязан к своей дочери. И как она к тебе привязана... Люда совершенно верно говорит, что у вас будто пуповина общая. Сильная первородная привязка к одному из родителей - это такая убойная вещь, знаешь... Нет такого ножа, который смог бы ее перерезать. И, кстати, ничего хорошего в этой первородной привязке нет... Не идет она во благо ни родителю, ни ребенку, а в некоторых случаях может просто испортить обоим жизнь. Ты меня понимаешь, надеюсь? Как без дочери станешь жить, ты подумал?

- Да я даже и думать не хочу, мам. Потому что это невозможно. Я не смогу без Таты. Она всегда будет со мной. Всегда...

- А почему ты так в этом уверен? Ведь Люда тебе ее просто не отдаст, и все. Она ведь ей мать. И наш суд, самый гуманный суд в мире, обязательно примет сторону матери, можешь в этом не сомневаться. Ни одного судью не проймешь доводами про первородную связь и неразрезанную пуповину. Так что готовься,

если что...

- Нет! Нет... Об этом не может быть и речи, что ты... Я просто не смогу жить без дочери... Нет...

- Ну, тогда думай сам, сынок, как поступить. Одно скажу – я тебе не завидую, да. В сложном положении ты оказался. Как будешь из него выходить – не знаю... Может, компромиссы какие искать... Кто хоть она, твоя новая пассия? Надеюсь, умная женщина? Понимает, с кем связалась? Хоть бы познакомил меня...

- Да перестань, мам.

- Но почему ты меня не хочешь с ней познакомить? Боишься, что я что-нибудь лишнее скажу?

- Нет, не боюсь. Просто не хочу, и все.

- Но как хоть ее зовут, можешь сказать?

- Ее зовут Анна. Аня. Анечка... Она очень хорошая, мам... Она... Совершенно особенная... Я таких женщин никогда не встречал.

- Анечка, значит... – тяжело вздохнула Елизавета Максимовна. – Ну что же, понятно... Анечка так Анечка... Но все равно, Саш, я настаиваю на том, чтобы ты нас познакомил! Я имею на это право, в конце концов! Есть вещи, от которых мать нельзя отстранять! Это даже как-то обидно...

- Прости, мам. Но всему свое время, сама понимаешь. Я и сам пока не знаю, что делать и как жить. Давай повременим с этим знакомством, договорились?

* * *

Знакомить маму и Аню не пришлось. Мама сама встретила их на улице и от неожиданности даже растерялась немного. Стояла, смотрела виновато, будто извинялась – это случайно произошло, сын, прости...

Он верил. Конечно, случайно. Да только с чего вдруг маму занесло на ту самую улицу, где Аня жила? На другой конец города? Хотя мама и сама поторопилась развеять его сомнения:

– У меня тут приятельница давняя живет, Саш... Давно в гости зовет. Вот, решила навестить... Ну что ты стоишь, смотришь на меня так испуганно? Ничего особенного не случилось, подумаешь, встретились случайно на улице! Ты познакомишь меня со своей... своей спутницей? Ну что ты молчишь? В конце концов, это неприлично, Саш...

– Добрый день, очень рада знакомству! – первой откликнулась Сашина спутница, приветливо улыбаясь. – Меня Аней зовут... А вы, как я поняла, Сашина мама?

– Да. Я Сашина мама. Елизавета Максимовна. Очень приятно, – немного сухо произнесла мама, исподволь пытаюсь разглядеть Аню.

Саша видел, что мама не в особом восторге от Ани. Можно сказать, разочарована. Интересно, а кого она ожидала увидеть? Софи Лорен? Элизабет Тейлор? Анастасию Вертинскую?

Да, внешность у Ани была неброской. Самой обыденной была внешность, да. Бледное личико без косметики, русые волосы, собранные назад, скромный и строгий наряд учительницы. Белая блузка, серая строгая юбка. Сверху плащик прямого покроя, на ногах черные закрытые туфли на среднем каблуке. Да, такая вот она... Пройдешь мимо и взгляд не остановишь.

Но он-то знал, что это не так! Знал, что скрывается за бледностью, незначительностью и строгой одеждой! Какой характер скрывается, какой интеллект, какой тонкий юмор! И в то же время какая беззащитность притягательная...

Он и сам разглядел ее не сразу. Да и знакомство их вышло совершенно случайным, можно сказать, странноватым. Просто на Аню наехал велосипедист, сбил с ног, она упала... А он в этот момент оказался рядом, помог ей подняться. Велосипедиста и след простыл, и не извинился даже, а Аня идти могла с огромным трудом, ногу при падении подвернула. Вот он и взялся ее до дому проводить – из вежливости, из жалости... Еще и лифт в доме не работал, и пришлось тащить ее на пятый этаж, обхватив рукой за талию. Полагалось бы на

руках затащить, конечно... Идти-то она совсем уже не могла. Да только не мог он нести ее на руках. Так и объяснил – не могу, мол. Сердце не выдержит. Извините. Потому что в районе третьего этажа свалюсь, и тогда уже вам придется меня на себе тащить. Она улыбнулась через боль, махнула рукой. Сказала – не выдумывайте, я и сама как-нибудь...

Так и добрались до ее квартиры. Он помог ей войти, довел до дивана. Потом сделал тугую повязку на ногу, принес ей горячего чая, сел рядом, огляделся...

В тот момент ему показалось, будто он уже когда-то был здесь. И не просто был, а жил здесь – таким было все знакомым... Даже родным... И эти обои в синий цветочек, и окно с белыми занавесками, и фотографии в рамках на стенах... И книги на большом стеллаже – от пола до потолка. Встал с дивана, подошел, начал рассматривать корешки. Пушкин, Толстой, Чехов... Бунин, Набоков... Почти одна классика, современных авторов мало. Обернулся, спросил задумчиво:

– Вы, наверное, в школе работаете, да? Литературу преподаете?

Она улыбнулась, кивнула головой, проговорила тихо:

– Да, именно так... И я даже спрашивать не буду, почему вы пришли к такому выводу. Наверное, у меня даже на лбу написано крупными буквами – учительница словесности... Как вас зовут, кстати, спаситель мой?

– Ну, уж сразу и спаситель... Это для меня слишком шикарно. Сашей меня зовут. А вас?

– А меня Аней...

– Вы живете одна?

– Да, одна. Мама к сестре на дачу жить переехала, она больна, ей свежий воздух нужен. А папа умер – давно уже... Квартира большая, а я одна. Хожу теперь по ней, песни пою...

– Какие песни? – спросил удивленно.

- Грустные, какие ж еще! – тихо засмеялась Аня, но тут же посерьезнела, произнесла деловито: – Я вас задерживаю, наверное, да? Вы идите, Саша, спасибо вам за все... Мне уже лучше, и нога почти не болит...

- Да вы же встать еще сами не можете, какое там! Я знаю, что это такое – ногу подвернуть!

- Я могу, правда. Идите, а то мне неловко, что я вас задерживаю.

- Но... Вам есть кого о помощи попросить, если что?

- Конечно... Я соседку могу попросить... Или подругу... Хотя она в отпуске сейчас... Да я справлюсь, что вы! Идите!

- Да, я уйду... Мне и впрямь надо на работу, меня уже потеряли, наверное... Но давайте с вами так договоримся, Аня! После работы я к вам зайду и посмотрю, как вы тут... И все, и слышать больше ничего не хочу! Я зайду, обязательно зайду...

- Но мне так неудобно, Саша, что вы!

- Зато мне удобно. Может, это мне больше нужно, чем вам...

Сказал и сам испугался. Потому что наткнулся на ее взгляд – испуганный и удивленный. И самую чуточку радостный... Да, слово не воробей, надо теперь отвечать за это слово! И за радость эту едва промелькнувшую отвечать...

Так у них все и началось. Образовалась веревочка-связь, перевязала так крепко – не вырвешься. Да и не хотелось им вырываться, и не пробовали даже. Хотя о любви никогда не говорили – чего о ней говорить-то? Ясно же, что друг без друга уже никуда... Хоть и виделись нечасто. Аня и не настаивала на частых встречах, все понимала. Она вообще умница. Тонкая, чувствительная натура. Молчунья близорукая. Милая. Трогательная. Хрупкий одинокий цветок. Обнимешь за плечи – сердце болью сжимается. И уходить от нее – такое мучение каждый раз... Она стоит в прихожей, улыбается бодренько, но он-то понимает, что никакой бодрости у нее внутри нет, что дверь за ним закроется, и плакать начнет... Но при нем – никогда. Ничего не потребует, ничего не попросит. Ждет,

что он сам решит...

А может, и не ждет. Все ведь понимает, что не так ему просто – взять и уйти из прошлой жизни. Что не может он уйти, оставив Тату одну... И даже уговаривать себя не будет, что, мол, она вовсе не одна, у нее же мать есть... Родная, любящая... Бесплезно себя уговаривать. Да и зачем? Не сможет он оставить Тату одну... Вот если бы Люда ее с ним отпустила, тогда другое дело. Но ведь не отпустит. Ни за что не отпустит. Да и его самого не отпустит...

Каждый раз, уходя от Анечки, он прокручивал в голове все эти грустные мысли. А время шло, бежало просто. Месяц за месяцем, год за годом. Вон уже и Тате восемь лет исполнилось. Большая совсем, а каждый раз кидается ему на шею как дитя малое. И он тоже весь домашний вечер не может от нее отлипнуть. Такая вот привязка, как Люда говорит, общая пуповина... Немного насмешливо говорит. А за насмешливостью – обида. Но он к этой обиде уже привык... А что ему еще остается? Только привыкнуть и остается. Надо же как-то жить...

Так и жил. На два дома. Пока мама с ним этот разговор не завела. Из разговора он понял, что и Люда все знает, оказывается. А если знает, надо что-то решать. Но как решать, как? Как убедить ее, чтобы Тату с ним отпустила? Или надо ждать, когда дочь подрастет и Люде придется считаться с ее выбором?

Конечно, такие мысли сами по себе были жестоки по отношению к Люде. Она очень добрый человек, она не заслужила. Да и что значит не заслужила? Разве она должна была заслужить доброе к себе расположение? Нет, нет... Она хорошая жена, хорошая мать. Но... Будто не сложилось что-то в их счастливой семейной картинке, и Люда в этом не виновата. Виноват только он сам... А в чем виноват, и сам не знает. В том, что любит свою дочь? Что привязан к ней сильно? Что эта привязка перевесила его любовь к Люде? Да, странно все получается, странно и довольно жестоко... Выходит, мама была права, когда говорила, что ничего хорошего в этой первородной привязке нет... Не идет она во благо ни родителю, ни ребенку, а в некоторых случаях может просто испортить обоим жизнь. И что теперь делать, как быть? Какое решение принять?

Однажды мама снова завела с ним этот разговор, будто почувствовала, какие мысли его терзают. Хотя и впрямь почувствовала, наверное. Она же мать. У них тоже, можно сказать, общая пуповина осталась неразрезанной. Живут врозь, видятся редко, а все равно духовная связь остается крепкой, никуда от нее не денешься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tn.knigapoisk.com/kolochkova_vera/papina-dochka

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)